

**46. zasedání Komise pro gramatickou stavbu
slovanských jazyků při Mezinárodním komitétu slavistů**

Praha 18.–20. září 2023

Abstrakty

Jednání proběhne pod záštitou České společnosti pro slavistická, balkanistická a byzantologická studia.

Zasedání Komise:

Akademické konferenční centrum
Husova 4a
Praha 1
www.akc-avcr.cz

Adresa organizátorů:

Slovanský ústav AV ČR, v. v. i.
Valentinská 1
Praha 1
tel.: +420 224 800 251, +420 224 800 275
e-mail: skwarska@slu.cas.cz
www.slu.cas.cz

**SLOVANSKÝ
ÚSTAV** Akademie věd
České republiky

Webové stránky Komise: www.slu.cas.cz/6-kgssj.html

Fotografie na úvodní straně pochází ze zasedání Komise v Praze v září 2016.

Zleva zadní řada: †J. Wajszczuk, J. Panevová, T. Reuther, B. Wiemer, B. Ju. Norman, L. L. Iomdin, H. Tommola, M. Danielewiczowa, Lj. Popović., †J. Kořenský, H. Schaller, Ľ. Kralčák, A. Barentsen, K. Skwarska
Zleva přední řada: M. Grochowski, Ju. D. Apresjan, M. Nomachi, T. Berger, M. G. Chrakovskaja, V. S. Chrakovskij

Прекращающее следование в славянских языках Сходства и различия

Адриан Барентсен
Universiteit van Amsterdam
a.barentsen@xs4all.nl

В докладе будет рассмотрено выражение прекращающего следования в сложных предложениях разных славянских языков. Прекращающееся следование является по «шкале таксисных значений» В. С. Храковского одним из трех таксисных значений в сфере следования (наряду с контактным и дистантным). Определение этого значения следующее: ситуация P_1 следует за ситуацией P_2 , прерывая ее.¹ Пример: *Петя делал (НСВ) уроки, пока не пришла (СВ) Маша.*

Различение прерывающего следования от других вариантов следования играет важную роль, на что указывает тот факт, что не только в славянских, но во многих других языках для этого употребляются разные союзы: англ. *till-until – before*, нид. *tot(dat) – eer(dat)/alvorens*, франц. *jusqu'à ce que – avant que* и т.д.

В большинстве славянских языков это значение регулярно выражается специализированными союзами типа русского *пока не*, сербского *док не* и чешского *dokud ne*. Отрицательная частица *не/ne* в них не отрицает самого существования действия в зависимой части (т.е., представлено т.н. «эксплетивное отрицание»). Поэтому здесь можно говорить об отдельных союзах. Из-за специфической связи с отрицательной частицей данные союзы отличаются от соответствующих ограничительных союзов *пока*, *док* и *pokud*, у которых такой связи нет. Последние союзы стандартно выражают другое таксисное значение – одновременность (при соответствующем соотношении видовременных форм в обеих частях предложения).²

Однако в ряде славянских языков положение несколько иное. Прежде всего следует отметить, что в украинском и болгарском языках прекращающее следование все же регулярно выражается также ограничительными союзами без отрицательной частицы, соответственно; *поки/доки/допоки* и *докато/додето*.³ Важно отметить также, что в чешском и польском языках вместо союзов *dokud/pokud ne* и *(do)póki nie* в сравнимых (или близких) по значению примерах широко употребляются слова *až* и

¹ См. вступительную главу коллективной монографии *Типология таксисных конструкций* (ТПС, 31). (В сложных предложениях ситуация P_1 выражается в зависимой части, а P_2 – в главной.)

² В таких случаях отрицательная частица возможна только в своей обычной функции, как в примере: *Пока он не болел, он отлично работал.* (О понятии «ограничительные союзы» см. работу: Барентсен 2007.)

³ В главе об украинском языке в коллективной монографии *Таксис в славянских языках. Типологический анализ* (ред. Виктор Самуилович Храковский и Адриан Барентсен) Людмила Попович об этом говорит следующее: «Значительно большая возможность выражения прерывающего следования с союзами типа *поки* без отрицательной частицы в ЗЧ является интересным отличием между украинским и русским языками». Там же рассматриваются и примеры, в которых эти союзы выражают другие типы следования – примеры (332)–(343). (В данный момент текст указанной монографии находится у макетчика. Надеемся, что она скоро выйдет в свет.)

az.⁴ Такие случаи наблюдаются также в словацком языке, но они менее частотны, чем в чешском и польском.⁵

На близость этих двух конструкций (с союзами типа *(do)póki nie* и *až*) указывает тот факт, что нередко они встречаются в альтернативных переводах с других языков. Но есть случаи, в которых предпочитается только один из этих союзных средств.

Как нам представляется, приведенные особенности в украинском, болгарском и западнославянских языках указывают на то, что внутри прерывающего следования, в широком понимании, существует минимум одно дополнительное семантическое различие.

Литература:

Барентсен 2007: БАРЕНТСЕН, А.: Об ограничительных временных союзах в сербском, русском и польском языках. *Зборник Матице српске за славистику* 71–72, 237–253.

Барентсен 2012: БАРЕНТСЕН, А.: О конкуренции между союзами при выражении прерывающего следования в польском, чешском и словацком языках. In: Genis, R. – de Haard, E. – Kalsbeek, J. – Keizer, E. – Stelleman, J. (eds.): *Between West and East. Festschrift for Wim Honselaar on the occasion of his 65th birthday*. (= Pegasus Oost-Europese Studies 20). Amsterdam, 11–34.

ТПС: *Типология таксисных конструкций*. Храковский, В. С. (ред.). Москва 2009.

Grochowski 2007: GROCHOWSKI, M.: Opozycja leksemów auto- i synsyntagmatycznych (w świetle homonimów gramatycznych o postaci *až*). *Зборник Матице српске за славистику* 71–72, 161–171.

⁴ Подробный анализ функций многозначного польского слова *až* дается в работе Grochowski 2007.

⁵ См. таблицу 2 в работе Барентсен 2012.

Префикс *s-* с мультипликативными глаголами в резьянском диалекте как средство выражения «сегментативного» значения

Rosanna Benacchio
Università di Padova
rosanna.benacchio@unipd.it

В предыдущих работах (Бенаккьо 2020а; 2020b), посвященных семельфактивному суффиксу *-ну-* в резьянском диалекте, мы обратили внимание на одно интересное явление. Это возможность образовать формы СВ от тех же (мультипликативных) глаголов, от которых производятся *-ну-*глаголы, посредством префикса *s-*, обозначающего законченное действие, которое имело место не один, а несколько раз в короткий промежуток времени. См. *kapat – skapat* (а также *kapnut*) ‘капать/капнуть’, *kīnkat – skīnkat* (а также *kynknut*) ‘лягать/лягнуть’, ‘пинать/пнуть’, *pīkat – spīkat* (а также *pyknut*) ‘клевать/кlynуть’, и т.д. Ср. напр., с одной стороны *To jě kǎpnulu. To lijě. ‘Закапал дождь. Идет дождь’*, а с другой *To jě skapalö. ‘Покапало’*.

Было показано, что трудно определить это значение, несомненно близкое к делимитативному, но не совпадающее с ним. Было также замечено, что употребление префикса *s-* с такой функцией не встречается в других словенских диалектах Фриули, как теркий и надижский.

В последнее время, работая над этими диалектами, мы обнаружили похожее значение, передаваемое, правда, другим префиксом (не *s-*, а *za-*) в комбинации с теми же, мультипликативными, глаголами (Benacchio, в печати). Такое значение представлено также в чешском и в польском языках. См., соответственно, Hilchey (2014), Łaziński (2020), которые определяют его как «сегментативное».

В данной работе мы хотим углубить сравнение выражения «сегментативного» значения в резьянском диалекте с одной стороны, и в терском и надижском – с другой, а также расширить анализ и обратиться к словенскому литературному языку, где такое употребление глаголов с префиксом *za-* также широко представлено.

Получается, что такое интересное значение, промежуточное между «результативным» и «делимитативным», известно не только в таких языках, как чешский и в польский, но также в словенском языковом ареале и, возможно, и в других языках «западнославянской» группы.

Литература:

- Бенаккьо 2020а: БЕНАККЬО, Р.: Значения и функции перфективирующего суффикса –*ни-* в резьянском диалекте (в сопоставлении с русским языком). In: Иомдин, Л. – Богуславский, И. (ред.): *От семантических кварков до вселенной в алфавитном порядке. К 90-летию академика Ю. Д. Апресяна*. Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова 24. Москва, 18–31.
- Бенаккьо 2020b: БЕНАККЬО, Р.: Префикс *s-* и суффикс *-ни-* с мультипликативами в резьянском диалекте. In: Кибрик, А. А. (ред.): *ВАПросы языкознания. Мегасборник наностатей. Сборник статей к юбилею В. А. Плунгяна*. Москва, 403–408.

- Hilchey 2014: HILCHEY, Ch.: *Prefixation of simplex pairs in Czech: An analysis of spatial semantics, distributive verbs, and procedural meanings*. Ph. D. diss., Univ. of Chicago.
- Łaziński 2020: ŁAZIŃSKI, M.: Between ingressivity and resultativity: The prefix za- in contemporary Polish from a cross-Slavic perspective. *Zeitschrift für Slawistik* 65, 2, 249–271.

Различия в частотности эквивалентных частиц в трех славянских языках

Tilman Berger

Universität Tübingen

tberger@uni-tuebingen.de

Известно, что существуют языки, богатые частицами, и языки, бедные частицами. Примером первой группы является немецкий язык, примером второй группы — английский. Что касается славянских языков, то частицы встречаются во всех языках, но частотность их употребления совершенно разная. Русский язык считается очень богатым частицами, чешский скорее беден частицами, а польский занимает промежуточное положение.

В своей работе я хотел бы рассмотреть использование одной группы частиц в трех славянских языках – русском, польском и чешском. Я выбрал частицы *ведь/же*, *więc/przecież* и *vždyt/přece*, которые имеют схожую функцию с немецкими *ja* и *doch*. Сначала я покажу, насколько сильно различается частотность употребления этих частиц, а затем попытаюсь определить некоторые факторы, влияющие на эти различия.

„To“ – польский оператор тема-рема структуры. Попытка обобщающей характеристики его функции и значения

Magdalena Danielewiczowa
Uniwersytet Warszawski
m.m.danielewicz@uw.edu.pl

В докладе обсуждаются особенности польского оператора тема-рема структуры „to”. Этот оператор отличается очень широким спектром употреблений и, в результате, высокой частотностью. Он употребляется в разнообразных видах высказываний: повествовательных, вопросительных, повелительных или даже восклицательных, а также в разных позициях одного и того же высказывания. По мнению автора, практика выделения нескольких „to“ в пределах показателей тема-рема структуры не имеет ни теоретического, ни эмпирического обоснования. Этот оператор организует информационную структуру высказывания, указывая на ее главный аспект – неотъемлемую границу между тематическими и рематическими компонентами данного предложения. Эта граница может сигнализироваться чисто просодически с помощью антикаденции, но дополнительно также с помощью „to”. Этот последний способ оформления текста является, как будет указано, своеобразным комментарием к совершаемому речевому акту. Соответствующие употребления польского „to“ можно охватить одной семантической формулой, учитывающей его эгоцентрический, метатекстуальный, референциальный и дискурсивный характер. В выводах доклада предлагается эта формула. Доклад будет представлен на польском языке.

Литература:

- Bogusławski 1977: BOGUSŁAWSKI, A.: *Problems of the Thematic-Rhematic Structure of Sentences*. Warszawa: PWN.
- Bogusławski 1999: BOGUSŁAWSKI, A.: Inherently thematic or rhematic units of language. In: Hajičová, E. et al. (eds.): *Travaux du Cercle Linguistique de Prague 3*. Amsterdam: Benjamins, 211–224.
- Bogusławski 2021: BOGUSŁAWSKI, A.: *Lingwistyczna teoria mowy. Preliminaria*. Warszawa: WUW.
- Huszcza 1990: HUSZCZA, R.: *Tematyczno-rematyczna struktura zdania w językach różnych typów (Normalny podział tematyczno-rematyczny)*. In: Dobrzyńska, T. (red.): *Tekst w kontekście*. Wrocław: Ossolineum, 55–96.
- Huszcza 1991: HUSZCZA, R.: Wykładniki uwydatnionego tematu zdania w języku polskim, japońskim, angielskim i wietnamskim. *Prace Filologiczne XXXVI*, 169–181.
- Huszcza 2000: HUSZCZA, R.: Nie ma, żeby nie było – o segmentalnych wykładnikach tematyczno-rematycznej struktury zdania w polszczyźnie. *Poradnik Językowy*, 8, 1–8.
- Mendoza 2010: MENDOZA, I.: Relativsätze mit *który to*. *Wiener Slawistischer Almanach 65*, 105–118.
- Linde-Usiekiewicz 2019: LINDE-USIEKIEWICZ, J.: *Wh+To Non-Restrictive Clauses in Polish and Related Phenomena. Part One. Wh vs. Wh-to Relative Clauses: An Overview. Studies in Polish Linguistics 14*, 2, 81–99.

- Linde-Usiekniewicz 2019: LINDE-USIEKNIIEWICZ, J.: *Wh+To Non-Restrictive Clauses in Polish and Related Phenomena. Part Two: Establishing the Role of to in Appositive Clauses, Adverbials, and Interrogatives. Studies in Polish Linguistics* 14, 3, 125–147.
- Walusiak 2005: WALUSIAK, E.: Partykała *to* jako operator struktury tematyczno-rematycznej zdania. Opis właściwości składniowych i szyku. *Polonica XXIV–XXV*, 207–227.
- Wiśniewski 1987: WIŚNIEWSKI, M.: Formalnogramatyczny opis leksemów *to*. 1. Słowo *to* w funkcji rzeczownika lub przymiotnika. *Acta Universitatis Nicolai Copernici. Nauki Humanistyczno-Społeczne, Filologia Polska XXIX*, (174), 27–42.
- Wiśniewski 1990: WIŚNIEWSKI, M.: Formalnogramatyczny opis leksemów *to*. 2. Słowo *to* w funkcji spójnika, partykuły, czasownika niewłaściwego. *Acta Universitatis Nicolai Copernici XXXI*, (192), 91–119.

Conceptual Conjunction as a Referential Strategy in Slavic Verbs and N&N Constructions in Standard Average European

Stephen M. Dickey
University of Kansas
smd@ku.edu

This paper argues that N&N constructions and East Slavic perfective verbs are conspecific in that they represent two kinds of *conceptual conjunction*, which I take to be a strategy for definite/specific reference across languages without specific markers (e.g., articles). N&N constructions in SAE languages, e.g., English *Goblet and spoon were set on the right of the plate* tend to have definite reference (= ‘the goblet and the spoon...’; Le Bruyn and de Swart 2014). Conjunction is necessary for singular bare nouns to refer, cf. **Goblet was set on the right of the plate*. Though N&N constructions need not refer definitely, they have a strong tendency to.

The perfective aspect in East Slavic fits the pattern of conceptual conjunction analogously to N&N constructions, and with analogous referential effects. De Wit and Dickey (in press) have analyzed the perfective as expressing *epistemic contiguity*; that is, the perfective in one way or another links one situation to another. Slavic perfective verbs originally combined a trajectory (e.g., *na-* ‘onto’) and a lexical verb (e.g., *pisati* ‘write’). Such perfectives, however, had only a weak tendency for unique reference (in OCS and modern Czech perfective verbs refer to repeated events and in indefinite statements of fact). Later grammaticalization (based on the despatialization of the prefix *po-*) resulted in East Slavic perfective verbs referring to a situation (e.g., a writing event) as well as some other unspecified situation(s) recoverable in the discourse, which has produced a strong tendency for Russian perfective verbs to refer to a unique situation in a context.

The pragmatic effect of conceptual conjunction is as follows: single bare nouns (e.g., *goblet*) are referentially very vague, whereas conjoined lexical items (e.g., *goblet and spoon*), are inherently bounded vis-à-vis one another, and have a higher probability of referring to only one relevant combination in a discourse context. Similarly, simplex verbs (e.g., *pisat’* ‘write’) are referentially vague, whereas perfectives (e.g., *napisat’* ‘write’) link one situation to another in various ways with the attendant mutual boundedness, and have a lower probability of referring to more than one relevant combination in a discourse context.

Literature:

Le Bruyn – de Swart 2014: LE BRUYN, B. – DE SWART, H.: Bare coordination: the semantic shift. *Natural Language & Linguistic Theory*, Vol. 32, No. 4, pp. 1205–1246.

On pragmatic mechanisms of the evolution of meanings towards enantiosemy (with reference to selected Polish examples)

Izabela Duraj-Nowosielska

Uniwersytet Mikołaja Kopernika w Toruniu

Iza_duraj@umk.pl

The subject of my interest are examples of Polish lexemes either with documented polysemic meanings, or showing strong tendency towards polysemy, the ones that manifest a shift towards the meaning which is in some aspects opposite to the original one. Typical examples of strict enantiosemy include such items as *dzielić* [‘share’/‘divide’], *złożyć* [‘assemble’/‘disassemble’], *pożyczyć* [‘lend’/‘borrow’] etc., but a similar phenomenon can be observed in various groups of lexemes, which will be commented on in the paper: metapredicative expressions (e.g. *całkiem*, *zupełnie* [‘entirely’ → ‘quite, fairly’]), metatextual particles (*pewnie* [‘confidently’ → ‘probably’], *właściwie* [‘accurately’ → ‘actually’], *zasadniczo* [‘firmly’ → ‘basically, as a rule’]) as well as adjectives, adverbs (*dowolny/dowolnie* [‘free, any’ → ‘arbitrary’] / [‘freely, in any way’ → ‘arbitrarily’], *chcąc nie chcąc* [‘volens nolens’]), and abstract nouns (*fakt*). I argue that in the case of non-verbal expressions mentioned above, the evolution of their meaning was probably prompted by two kinds of pragmatic mechanisms, i.e. the ones related to switching the sentence perspective either from the point of view of the subject to that of the speaker (*dowolnie/dowolny*, *chcąc nie chcąc*), or from the speaker’s perspective to the hearer’s (the other mentioned: *całkiem*, *zupełnie*, *pewnie*, *właściwie*, *zasadniczo*, *fakt*). In the latter case, the shift in meaning is argued to have been originally associated with a kind of hyperbolisation on the part of the speaker, followed by a “realistic” attitude of the addressee; in the former – with a shift from action modification, as seen from the subject’s perspective, to the speaker’s assessment of the objective *results* of an action.

Okazjonalne przymiotniki temporalne w języku polskim

Maciej Grochowski

Instytut Języka Polskiego PAN, Kraków

Maciej.Grochowski@umk.pl

Okazjonalność, rozległy problem teoretyczno-metodologiczny, stanowiła przedmiot rozważań wielu logików i filozofów od początku XX wieku (Husserl 1901) i wielu językoznawców co najmniej od połowy XX wieku (Jakobson 1957). Logiczno-filozoficzne koncepcje okazjonalności były omawiane w starszej i nowszej literaturze z zakresu tych dyscyplin; por. m.in. Czeżowski (1958); Kotarbińska (1971); Kijania-Placek (2012; 2016).

Podstawową funkcją wyrażenia okazjonalnego jest przyporządkowanie współwystępującego z nim wyrażenia predykatywnego obiektowi pozajęzykowemu. Przyporządkowania tego dokonuje mówiący w akcji mowy. Wyrażenia okazjonalne są więc sytuacyjnie / kontekstualnie zmienne. Do leksykalnych wykładników okazjonalności należą m.in. zaimki wskazujące, osobowe, niektóre przysłówki miejsca i czasu oraz analogiczne do tych ostatnich przymiotniki. Dyskusyjna jest przynależność zaimków anaforycznych do klasy wyrażen okazjonalnych.

W referacie przedmiotem analizy składniowo-semantycznej będą wybrane okazjonalne przymiotniki temporalne języka polskiego, których wspólnym komponentem jest pojęcie 'teraz': *aktualny*, *bieżący*, *dzisiejszy*, *obecny*, *teraźniejszy*. Zostaną one postawione w opozycji do ich homonimów niereprezentujących klasy wyrażen okazjonalnych. Nie jest wykluczone (to jedna z hipotez), że przymiotniki *bieżący*, *teraźniejszy* nie mają takich homonimów.

Polskie przymiotniki temporalne były przedmiotem analizy Renaty Grzegorzczukowej i Zuzanny Topolińskiej. Obie lingwistki badały rozwój semantyczny m.in. przymiotnika *obecny*, Grzegorzczukowa (2006; 2012) na tle jednostek znaczeniowo pokrewnych i antonimicznych, Topolińska (2011; 2014; 2016) w nawiązaniu do funkcji referencyjnej innych (para)zaimków. Zob. też Nagórko (1987) oraz Nagórko – Łaziński – Burkhardt (2004).

Jedną ze wspólnych cech wyrażen okazjonalnych jest ich nienegabilność (Bogusławski 1977). Odznaczają się nią również okazjonalne przymiotniki temporalne. Z przymiotnikami metatekstowymi (Danielewiczowa 2007) łączy je ponadto wykluczenie pozycji orzecznika, niestopniowalność oraz brak możliwości kookurencji z operatorami metapredykatywnymi. Por. zdania dokumentujące analizę przymiotników okazjonalnych i kontrastujących z nimi jednostek homonimicznych:

- (1) **Aktualna** sytuacja gospodarcza w kraju jest fatalna.
- (2) *Sytuacja gospodarcza w kraju jest **aktualna**.
- (3) Czy twoja oferta jest nadal **aktualna**?
- (4) Ten reportaż porusza temat bardzo **aktualny**.
- (5) *Bardzo **aktualna** przewodnicząca rady instytutu miała wypadek.
- (6) **Obecna** nazwa tego ośrodka pochodzi od nazwy jeziora.
- (7) Były prezydent był **obecny** na zebraniu, a **obecny** prezydent był **nieobecny**.
- (8) Część **obecnego** rezerwatu była kiedyś miejscem schronienia powstańców.
- (9) W **obecnej** kadencji kierownika pracowni nie było żadnych zebrań.
- (10) **Dzisiejsza** uroczystość przejdzie do historii uniwersytetu.
- (11) *Czy uroczystość, która dobiegła końca, była **dzisiejsza**?
- (12) Czy te bułki są **dzisiejsze**?

- (13) W **bieżącym** roku szkolnym zlikwidowano gimnazja.
(14) *Rok, w którym zlikwidowano gimnazja, jest **bieżący**.
(15) Polityka **teraźniejszego** rządu była wielokrotnie krytykowana.

Literatura cytowana:

- Bogusławski 1977: BOGUSŁAWSKI, A.: O interpretacji zdań z wyrażeniami okazjonalnymi. *Przegląd Humanistyczny* 2, 39–56.
- Czeżowski 1958: CZEŻOWSKI, T.: Nazwy okazjonalne oraz imiona własne. In: Czeżowski, T.: *Odczyty filozoficzne*. Toruń: TNT, 148–159.
- Danielewiczowa 2007: DANIELEWICZOWA, M.: Przymiotniki nieprzymiotniki (O pewnym niezwykłym typie wyrażen w języku polskim). *Zbornik Matice srpske za slavistiku* 71–72, 223–235.
- Grzegorzczkova 2006: GRZEGORCZYKOWA, R.: Polskie przymiotniki temporalne na tle ogólnej językowej konceptualizacji czasu. In: Dąbrowska, A. – Nowakowska, A. (red.): *Język a Kultura 19: Czas – język – kultura*. Wrocław: UWr, 33–43.
- Grzegorzczkova 2012: GRZEGORCZYKOWA, R.: Polskie przymiotniki jako sygnały aktualizacji temporalnej wypowiedzi. In: Grzegorzczkova, R.: *Świat widziany poprzez słowa. Szkice z semantyki leksykalnej*. Warszawa: UW, 217–226.
- Husserl 1901: HUSSERL, E.: *Logische Untersuchungen: Untersuchungen zur Phänomenologie und Theorie der Erkenntnis*, t. 2. Halle a.S.: Niemeyer.
- Jakobson 1957: JAKOBSON, R.: *Shifters, verbal categories, and the Russian verb*. Massachusetts: Harvard University Press.
- Kijania-Placek 2012: KIJANIA-PLACEK, K.: *Pochwała okazjonalności: analiza deskryptywnych użycy wyrażen okazjonalnych*. Warszawa: WN Semper.
- Kijania-Placek 2016: KIJANIA-PLACEK, K.: Okazjonalność. In: Odrowąż-Sypniewska, J. (red.): *Przewodnik po filozofii języka*. Kraków: WAM, 137–176.
- Kotarbińska 1971: KOTARBIŃSKA, J.: Wyrażenia okazjonalne. *Studia Filozoficzne* 1(68), 3–16.
- Nagórko 1987: NAGÓRKO, A.: *Zagadnienia derywacji przymiotników*. Warszawa: UW.
- Nagórko – Łaziński – Burkhardt 2004: NAGÓRKO, A. – ŁAZIŃSKI, M. – BURKHARDT, H.: *Dystynktywny słownik synonimów*. Kraków: Universitas.
- Topolińska 2011: TOPOLIŃSKA, Z.: I nadal w kręgu (para)zaimków. *Linguistica Copernicana* 6, 39–45.
- Topolińska 2014: TOPOLIŃSKA, Z.: Co łączy *obcego* z *obecnym*? *Linguistica Copernicana* 11, 29–34.
- Topolińska 2016: TOPOLIŃSKA, Z.: Zaimki – uniwersalny system referencji. *LingVaria* 1 (21), 35–41.

О границе между основным и фоновым таксисом (сопоставительный анализ неспециализированных таксисных союзов и условных союзов в восточнославянских языках)

Виктор Самуилович Храковский
Институт лингвистических исследований РАН
khrakovv@gmail.com

В соответствии с концепцией, предложенной в работах (Храковский 2009; Xrakovskij 2016), таксис трактуется как функционально-семантическая категория, которая реализуется в обстоятельственных бипредикативных и полипредикативных конструкциях, а ее базовым элементом являются глаголы (или точнее предикаты), составляющие так называемую таксисную пару и выступающие в определенных видовременных формах. Финитный глагол таксисной пары, употребляющийся в главной части бипредикативной конструкции, будем называть опорным, а финитный или нефинитный глагол, употребляющийся в зависимой части бипредикативной конструкции, будем называть собственно таксисным, поскольку именно он маркирует таксисное отношение, существующее между ним и опорным глаголом и тем самым между обеими частями конструкции. Существует три таксисных отношения: предшествование, одновременность и следование.

Важным, хотя и необязательным, элементом категории таксиса являются союзы, которые вводят зависимую часть бипредикативной конструкции, и в ряде случаев сами по себе маркируют таксисное отношение между зависимой (ЗЧ) и главной частью (ГЧ) бипредикативной конструкции, однако чаще союзы маркируют таксисное отношение вместе с определенными видовременными формами глаголов в ЗЧ и ГЧ бипредикативной конструкции, которая прежде всего является временным (таксисным) сложноподчиненным предложением (СПП).

Категория таксиса имеет следующие варианты: 1. основной (сирконстантный) таксис, 2. фоновый (сирконстантный) таксис, 3. валентностный (актантный) таксис. Основной таксис реализуется во временных СПП, в которых ЗЧ обозначает ситуацию либо предшествующую, либо одновременную, либо следующую за ситуацией в ГЧ. Фоновый таксис реализуется в обстоятельственных СПП: причинных, условных, целевых, уступительных, следствия, в которых наряду с основным значением всегда присутствует и какое-либо из таксисных значений. Валентностный таксис реализуется в СПП, в которых ЗЧ представляет собой актант глагола в ГЧ, либо две ситуации являются актантами специализированного таксисного глагола типа *предшествовать*.

Высказывается предположение, что в приведенной последовательности СПП основного и фонового таксиса семантика каждого последующего СПП богаче семантики предыдущих СПП и в какой-то мере наследует семантику предыдущих СПП (Храковский 2019). Можно думать, что указанная последовательность отражает реальную последовательность появления подобных СПП в речевом этногенезе.

В докладе будет рассмотрен вопрос о соотношении союзов, вводящих ЗЧ в приведенной последовательности СПП, связаны ли эти союзы формально каким-то образом друг с другом или же у каждого СПП в данной последовательности союзы

представляют собой абсолютно самостоятельные единицы как по происхождению, так и по употреблению. Конкретным предметом анализа будут союзы во временных, точнее таксисных, и условных СПП в трех восточнославянских языках: русском, украинском и белорусском.

Литература:

Храковский 2009: ХРАКОВСКИЙ, В. С. (ред.): *Типология таксисных конструкций*. Москва.

Храковский 2019: ХРАКОВСКИЙ, В. С.: Время => Причина => Условие. In: *Русское слово в многоязычном мире*. Материалы XIV Конгресса МАПРЯЛ. Нур-Султан, 270–275.

Xrakovskij 2016: ХРАКОВСКИЙ, V. S.: Taxis: semantics, syntax, typology. In: Xrakovskij, V. S. (ed.): *Typology of Taxis Constructions*. München: LINCOM Studies in Theoretical Linguistics 58, 3–98.

Микросинтаксические конструкции как средство сохранения языковых реликтов

Леонид Лейбович Иомдин

Институт проблем передачи информации РАН им. А. А. Харкевича
iomdin@gmail.com

В рамках микросинтаксического подхода к описанию фразеологических конструкций со слабой семантической композициональностью, развиваемого автором в последние годы, будут рассмотрены неоднословные лексические единицы, сформированные с участием существительных в партитивном (втором родительном) или местном (втором предложном) падежах.

Таких единиц в языке обнаруживается неожиданно много. Если говорить о втором родительном падеже, то в первую очередь это разнообразные двусловные единицы, состоящие из предлога и управляемого им существительного и синтаксически более или менее эквивалентные наречию: *с виду, с ходу, с лёту, с разбегу, с налёту, с маху, с размаху, с краю, с краешку, с перепугу, с перепоею, с глузду, без толку, без спросу, без умолку, без удержу, из дому, от роду, от веку, до упаду, до зарезу, (не) до смеху, до свету* ‘до рассвета’. Обращает на себя внимание, что некоторые из этих существительных за пределами микросинтаксических (и шире – фразеологических) единиц не встречаются или почти не встречаются: существительные *перепуг, перепой, глузд, удерж, умолк, упад, зарез* сами по себе в современных текстах не фигурируют.

В число таких языковых сущностей входят и единицы, в которых, помимо предлога и существительного, обязательно или факультативно присутствуют другие слова (например, прилагательные в родительном падеже, выступающие как определения к существительному: ср. *со всего маху <размаху>, с какого боку, с одного боку, с другого боку, без всякого толку*), разнообразные конструкции с повторением либо существительного, либо предлога (*со дня на день, с минуты на минуту, с глазу на глаз, с боку на бок, час от часу, с пылу с жару*) и отдельные полилексемные конструкции с предлогом (*баба с возу, без году неделя, без роду и племени, с миру по нитке, с бору по сосенке, сбивать с толку, сбивать с панталыку, терять из виду, не до жиру, беситься с жиру, с боку припёка*) или без него (*что толку, толку чуть, спору нет, сносу нет, нашего полку прибыло*) и т.д.

Доля таких единиц в общем объеме выражений современного русского языка, содержащих партитив, непропорционально высока. В частности, при поиске в основном корпусе НКРЯ выражений, содержащих *S_{gen2}*, из первых 100 фрагментов текстов в выдаче, в общей сложности содержащих 159 вхождений партитива, существительные в партитиве вне фразеологических выражений присутствуют в количестве 29; во всех остальных случаях мы имеем дело с бесспорными фразеологическими выражениями – а конкретнее, почти исключительно с микросинтаксическими конструкциями.

Еще красноречивее оказывается распределение фразеологических и нефразеологических выражений среди сочетаний “предлог + партитив”: первые 100 фрагментов текстов основного корпуса НКРЯ, удовлетворяющих запросу *Pr+Gen2*, содержит 248 таких выражений, из которых только 8 являются нефразеологическими (*вместо табаку, после чаю, [поднял] с полу, [умер] с голоду* и нек. др. – причем часть

этих выражений характеризуется избирательной лексико-семантической сочетаемостью и, так сказать, движется в сторону фразеологии: можно *умереть или опухнуть с голоду*, но вряд ли *попросить с голоду*, с *полу* можно что-то поднять, но вряд ли *стереть или смыть с полу* (надо ... с *пола*).

Похожая картина вырисовывается и в выражениях со вторым предложным падежом (локативом): доля микросинтаксических единиц среди таких выражений тоже весьма высока, хотя в процентном отношении их несколько меньше. Так, в первых ста фрагментах текстов, полученных по запросу к основному корпусу НКРЯ *Pr+Loc2*, встречается 191 такое словосочетание, из которых не менее 120 следует расценивать как микросинтаксические единицы (правда, некоторые из них, например, *в виду* или *в связи с*, встречаются многократно).⁶

Эти факты убедительно свидетельствуют о консервативности фразеологических единиц, массово сохраняющих в языке уходящие формы и морфологической устойчивости таких единиц. Верно и обратное утверждение: уходящие из языка реликты находят своеобразное убежище во фразеологии и тем самым обретают достаточно надежную нишу, в которой продлевают свое присутствие в языке в целом.

В докладе будут подробно семантические, синтаксические и морфологические особенности некоторых из этих реликтов.

⁶ Все данные по НКРЯ приведены на момент обращения в мае 2023 г. Поиск проводился по выражениям с автоматически снятой грамматической омонимией.

Adverbiálne vyvolaných okolností ako špecifický typ určenia deja

Lubomír Kralčák

Univerzita Konštantína Filozofa v Nitre
lkralcak@ukf.sk

Štandardný postup pri opise syntaktického systému jazyka v slovenskej, ale aj českej lingvistike vychádza, ako je známe, z tradičnej metodológie závislostnej (dependenčnej) syntaxe. Dodnes bol tento tradičný metodologický prístup aplikovaný v početných klasických syntaktických kompendiách či príručkách.

Jedným zo znakov spomenutého tradičného prístupu k syntaktickému opisu jazyka je koncepcia opierajúca sa o syntaktický izomorfizmus ako systémový jav, jestvujúci medzi štruktúrne nerovnorodými syntaktickými jednotkami. Ide vlastne o rešpektovanie jednej z inherentných vlastností syntaktického systému, ktorá spočíva v analógii syntaktických vzťahov na rozdielnych úrovniach syntaktickej stavby, čo sa najzreteľnejšie prejavuje medzi syntagmou a súvetím, resp. aj medzi vetným členom a vetou ako súčasťou súvetia. V zmysle týchto systémových daností zodpovedá typu determinatívnej a koordinatívnej syntagmy izomorfný typ parataktického a hypotaktického súvetia a každému vetnému členu izomorfná vedľajšia veta.

Adverbiálne vyvolaných okolností sa v existujúcich gramatických opisoch neuvádza. Obidve adverbiálne majú spoločné to, že pre ich špecifické sémanticko-syntaktické vlastnosti možno pri ňom zaznamenať do istej miery oslabenú či problematickú platnosť princípu syntaktického izomorfizmu. Znamená to, že ich vetný ekvivalent sa môže javiť ako nejednoznačný či neštandardný.

Používa sa na vyjadrenie okolnosti deja, ktorá je ním bezprostredne vyvolaná. Znamená to, že neurčuje priamo dej vety, teda nemá vplyv na jeho vznik, priebeh či charakter a ani nevymedzuje okolnosti jeho realizácie. A tak dej samotný je priamou príčinou vzniku tohto určenia, ktoré je vo vzťahu k nemu jeho následkom. V porovnaní s inými určeními deja je toto adverbiálne najväčšmi podobné príslovkovému určeniu sprievodných okolností. Odlišuje sa však od neho tým, že je s dejom úzko kauzálne späté, zatiaľ čo určenie sprievodných okolností dej vety nijako nepodmieňuje ani nezapríčiňuje. Na druhej strane má blízko k určeniam výsledku (*skrútiť sa do kľbka*) a účinku (*smiať sa do popuku*), pretože ich kvalita je príčinnostne závislá od deja vety. Od nich ako od vlastnostných určení sa zasa líši v tom, že neurčuje vlastnosti deja, ale je iba okolnosťou, ktorá je dejom vyvolaná.

Vyvolaná okolnosť sa prejavuje ako reakcia sekundárneho, negramatického (logického) subjektu vety na jej dej. Vyjadruje sa dejovými substantívami, resp. substantívami s dejovým významom, a to v genitíve s predložkou *za*, napr. *za potlesku*, *za smiechu*, *za nesúhlasu*, *za nevôle*, *za údivu... niekoho*, a v akuzatíve s predložkou *na*, napr. *na počudovanie*, *na prekvapenie*, *na pobavenie*, *na nevôľu*, *na pohoršenie*, *na pobúrenie*, ... *niekoho*. Príklady:

A potom začal imitovať známe osobnosti za smiechu a búrlivého potlesku prítomných. – Veľmi sľubný útok domácich zastavil za nevôle divákov záverečný hvizd rozhodcu. Nato sa kúzelníkovi za údivu detí z ničoho nič zjavila v ruke veľká papierová kytica. – Britský premiér na druhý deň v parlamente za nesúhlasu opozície navrhol v rokovaní pokračovať. – Posilvestrovský sumár je na počudovanie lekárov bez vážnejších zranení. – Po odchode z Bratislavy sa na naše veľké prekvapenie usadil v Nitre. – Na pobavenie auditória moderátor už svoje prerieknutie nevedel zvrátiť. – Zákon bol napokon schválený na nevôľu veľkých obchodných reťazcov. – Viedla hýrivý

život na pohoršenie celého mesta. – V roku 2000 na pobúrenie americkej verejnosti získal Gleitsmanovu cenu za sociálnu spravodlivosť.

Okrem spomínaných sémantických a syntagmatických špecifik tohto príslovkového určenia sa na tomto mieste treba pristaviť pri probléme, ktorým je možnosť transformačnou operáciou vytvoriť od tohto vetného člena izomorfnú vedľajšiu vetu. Vedľajšia veta sa od príslovkového určenia vyvolaných okolností totiž vytvoriť nedá. Z tejto skutočnosti potom vyplývajú dve otázky, prečo je to tak, resp. či ide o regulárny prípad adverbialie.

Jednou z príčin, prečo sa od opisovaného adverbialie nedá vytvoriť vedľajšia veta, hoci ide o jazykový prostriedok vykazujúci kauzálnu súvislosť s dejom východiskovej vety, je to, že kauzalita je tu nasmerovaná od východiskového deja k potenciálnemu následnému dej. Pre takúto následnosť, hoci príčinnú, sústava sémanticko-syntaktických štruktúr hypotaktických súvetí neposkytuje možnosť konštruovať súvetie. Presnejšie povedané, poskytujú ho neštandardné štruktúry, akými sú podľa slovenskej syntaktickej terminológie tzv. nepravé hypotaktické súvetia. Tie síce formou pripomínajú podrad'ovacie súvetné štruktúry, avšak významovo ich tvoria syntakticky rovnocenné vety. Vedľajšia veta vyvolaných okolností teda nemôže vzniknúť. Reálna tu je napr. takáto transformácia: *A potom začal imitovať známe osobnosti za smiechu a búrlivého potlesku prítomných.* → *A potom začal imitovať známe osobnosti, na čo sa ozval smiech a búrlivý potlesk prítomných.*

Pokiaľ ide o posudzovanie vetnočlenskej platnosti vyššie uvedených výrazov (*za potlesku, za smiechu, na pobavenie, na nevôľu...*), je nepochybné, že tu ide o druh okolnostného adverbialie so zreteľnými sémanticko-syntaktickými znakmi, ktorými sa vydeľuje od iných druhov príslovkových určení.

Adverbiale of evoked circumstances as a specific type of action determination

Adverbiale of evoked circumstances has not yet been described in grammars, so we tried its semantic and syntactic characteristics. The result is the knowledge that it is a specific type of adverbial, which does not determine the action of the sentence, but is itself evoked by the action. A certain theoretical-methodological problem in this adverbial determination appears to be the absence of a syntactic isomorphism of the sentence element ↔ subordinate clause, which means that transformation into a subordinate clause is not possible. However, a more detailed analysis has shown that, despite this fact, it is possible to understand this phenomenon as a special type of adverbial.

Одна интересная черта белорусской грамматики: указательное местоимение в составе сравнительных оборотов

Борис Норман

Минск

boris.norman@gmail.com

Сравнение – это не только выразительное средство или художественный прием. Сравнение, как писал известный знаток белорусского фольклора Федор Янковский, это «средство распознавания, познания, даже восприятия вещей». Синтаксическая структура сравнения обычно несложная, однако за ней стоит определенная семиотическая закономерность: сравнивается всегда нечто менее знакомое с более знакомым (типичным).

Иными словами, сравнение предполагает апелляцию к некоторому стандарту, эталону, прототипу. Прототип в когнитивной семантике – это, как известно, образцовый представитель своей категории. Например, если нам надо обозначить высокую степень белизны, мы скажем: *белый как снег, как молоко, как лебедь, как бумага, как стена...*

Сравнения широко применяются в народной речи, в фольклоре: в сказках, песнях, прибаутках и т.д. Сначала – пример из анонимной белорусской сатирической поэмы XIX века *Тарас на Парнасе*:

Вось б'юцца Марс ды з Геркулесам,
А Геркулес, **як той мядзведзь**,
Каб цешыць старага Зевеса,
Хахол ён Марсу добра мнець

Обратим внимание на употребленное здесь в составе сравнительного оборота указательное местоимение (далее – УМ) *той*, буквально: 'как тот медведь'. Какой это – *тот*?

Такое использование УМ довольно типично для белорусского языка. В собраниях фольклорного материала мы находим множество подобных примеров. В частности, в большом томе *Выслоў'і* в серии «Беларуская народная творчасць» (1979) зафиксировано около 4000 сравнений, из них примерно 1,3% – с УМ: *збялеў як тая папера; абарваны як той старац; глядзіць як яшчэрка тая; карак як у таго бугая* і т.д.

Какова же функция УМ в составе сравнительных оборотов? Что придает местоимение общему смыслу сравнения? В чем разница – сказать ли *абарваны як старац* или *абарваны як той старац*?

Прежде всего нужно отметить, конечно, определенную стилистическую окраску, придаваемую УМ: оттенок эксплицитной разговорности, фольклорности. Поэтому следующий пример – из поэмы народного поэта Беларуси Якуба Коласа *Новая зямля*:

Налева, між гор крутабокiх,
У берагах сваiх высокiх,
Па камянях, бы **тая змейка**,
Вiлася шумная Вiлейка...

И в современных текстах присутствие УМ в сравнительных оборотах придает тексту дополнительный разговорный оттенок. Три примера:

Кацярына – ...прыгажэй за ўсіх дзяўчына, вусны што малінка, бровы як сярпчкі, вочы **што тыя вішні**... (У. Бутрамеёў. Новыя прыгоды Несцеркі).

– Куры бы **тыя беларусы**, – сказаў Лёша. – Вунь воля – толькі ідзі. Але баяцца пераступіць праз дошку (А. Горват. Радзіва «Прудок»).

Але трапіць я ніколі
не хацела б на каўнер.
І лаўлю я толькі мышак,
нібы **той лянiвы кот**

(А. Вольскі. Казкі з праўдай напалам).

Но более интересным является тот содержательный вклад, который вносит УМ в семантику объекта сравнения. Оно подчеркивает, что этот объект является представителем некоторого привычного стандарта. *Вишні* – образец красоты для глаз, *беларусы* – образец робости, *кот* – образец лени... Такой оборот как бы отсылает читателя или слушателя к определенному гипертексту, общему для собеседников. Это может быть и конкретное произведение, и совокупность фразеологизмов, сказок, шуток, бродячих сюжетов – важно, чтобы они соответствовали континууму национальной культуры.

Но если УМ – маркер прототипа, то спрашивается, как быть с ситуациями, в которых объект сравнения оказывается случайным, актуальным только для данного контекста: *вытрашчылася як тая баба яга; жывецца як той саве; мчыцца як той бусел з жабай?*

Вот тут, где сравнение не имеет устойчивого языкового характера, УМ придает ему такую речевую функцию. Создается как бы речевой микромир, в рамках которого (для данного текста) устанавливаются свои актуальные образцы. Местоимение очерчивает объем кратковременной памяти, к которой адресует реципиента. Оно подсказывает: «Ты это знаешь, мы про это говорили...».

Интересно, что среди 8 значений, зафиксированных у УМ в многотомном *Тлумачальным слоўніку беларускай мовы*, интересующего нас употребления нет. Фактически слова *той, тая, тое, тыя* в составе белорусских сравнительных оборотов утрачивают свою дейктическую роль, а превращаются в частицы с прагматической функцией.

Таксисне конструкције са темпоралним маркером *као* + именица са значењем лица у српском језику и њихови еквиваленти у другим словенским језицима

Људмила Поповић
Универзитет у Београду
ljudmilapopovic@yahoo.com

У раду се разматра један посебан тип таксисне конструкције у којој је зависна ситуација исказана темпоралним маркером *као* + именица са значењем лица, а главна је изражена глаголом у предикату, који може бити како свршеног тако и несвршеног вида, нпр.: (1) **Као директор фабрике много је путовао**; (2) **Још као гимназијалац схватио је суштину свог позива**. У оба случаја се остварује тип зависног таксисног односа који се може одредити као потпуна симултаност обеју ситуација (1) или тзв. непотпуна симултаност, када зависна ситуација служи као темпорални фон за нетрајну главну ситуацију (2).

Везник *као* у овим конструкцијама функционише као темпорални маркер што доказују трансформи наведених примера: *Док је био директор, много је путовао*; *Још док је био гимназијалац, схватио је суштину свог позива*. Иако српске граматике не региструју темпорални везник *као*, његов еквивалент постоји у другим словенским језицима, уп. (укр.) **Як умру, то поховайте/ мене на могили,/ серед степу широкого/ на Вкраїні милій...'** **Кад** умрем, учините ми/ да ме груди приме/ наше лепе степе/ дивне Україне.'

У другим јужнословенским језицима, као и у западословенским, постоје конструкције сличне српској, са темпоралним маркером *као* уз именицу са значењем лица, нпр.: (буг.) **Камо директор [...]** *пътуваше бесплатно*; (мак.) **Како директор на ЦИА, Мајк ја заработи почитта на членовите од двете партии...**; (словен.) **Kot državni voditelj je najprej potoval v Neapelj...**; (чеш.) **Jako podnikatel jsem hodně cestoval po celé České republice**; (слов.) **Veľa som cestoval najmä ako študent, teraz je už toho menej**; (пољ.) **Jeszcze jako student przetłumaczyłem książkę o ekologii** и сл., док се у источнословенским језицима еквиваленција таквог таксисног значења постиже увођењем у конструкцију глаголског прилога, нпр.: (рус.) **Будучи директором завода, Влад много путешествовал по миру**; (укр.) **Працюючи директором, він багато подорожував**.

С обзиром на то да се у руском језику глаголски прилог *будучи* не користи без именске речи, што указује на његову постепену граматикализацију у правцу предлога, који заједно са именском речју формира предлошко-падежну конструкцију, у раду се износи претпоставка о томе да се српски везник *као* и његови еквиваленти у другим словенским језицима такође постепено трансформишу у предлог у овом специфичном типу таксисних конструкција.

Congruent lexicalization in Surzhyk: the syntagma

Tilmann Reuther

Alpen-Adria-Universität Klagenfurt
tilmann.reuther@aau.at

When I first came to Odessa, I spoke my own Surzhik. And then circumstances developed in such a way that you realise that you are driving, well, Odessa is a Russian-speaking city, and you are on a minibus. So, basically everyone here speaks Russian, including the minibus driver. So, if I come and say, "I need to go to such-and-such a stop," he may not understand. So, I have to switch to Russian and quickly formulate it all and say it in Russian.

Congruent lexicalization (Muysken 2000): same syntactic structure, lexemes from two languages (vs. Alternation, Insertion)

Line 1 (Times regular, blue): Ukrainian, **Line 2** (Times italics, black): common, **Line 3** (Courier, red/green): Russian

Shadow (yellow): morphology mix // hybrid

1	<i>ja</i>	peršé		koly	pryjixala	ú	odesu,	All UKRAINIAN except úremja
2	<i>ja</i>	hovoryla	Na	svojemu	suržyku.	All RUSSIAN, except svojemu suržyku.		
3	<i>a</i>	potom	Tak	abstaja- tíl'stva	slažujuc'cja,	All RUSSIAN, but slang <i>slažujuc'cja</i> Авто добре. очень экономная. едет очень хорошо и розганяется очень быстро. салон нормальный, ходовая часть хорошая. 7 мест. сидухи слажуются и получается большой фургон. свежая страховка до конца года. Можно разтаможить по льготному закону.		
4	šo	vot	ty	panimajíš:	All RUSSIAN, except šo			

5	ty	jiděš,	nu,	odesa	[-]	rosijs'ko- moúné	misto,	All UKRAINIAN		
6	i	ty	Jiděš	ú	maršrutkí.	All UKRAINIAN except maršrutkí.				
7	značyt',	tut	Ú	osnoúnom	úsi	hovorjat'	na	rosijs'kij	movi,	All RUSSIAN, except úsi and rosijs'kij movi
8	ú	tom	Čislje	i	maršrutč'yk.	All RUSSIAN				
9	to jíst'	jakšo	Ot	ja	pyjdu	i	skažu:	All UKRAINIAN, except to jíst'		
10	"méni	na	takij-to	ostanoúkí	odyn",	All UKRAINIAN, except ostanoúkí				
11	to	vin	Možé	né	ponjat'.	All UKRAINIAN, except ponjat'				
12	nu,	to_jíst'	Méni	pryxodyc'cja	péréklju- čyc'cja	na	rosijs'ku	movu,	All RUSSIAN, except meni and rosijs'ku movu	
13	i	bystro	sformu- lirovat'	ce	ús'o,	All RUSSIAN, except ce				
14	i	skazat'	Na	rosijs'kij	movi.	All RUSSIAN, except rosijs'kij movi				

Question 1: What is the distribution of word forms? > What type of Surzhyk – near Russian or near Ukrainian? 82 = 25 + 29 + 26 + 1 + 3

Question 2: Ukrainian parts of speech – Russian parts of speech? V: 17 (14 finite) = 4 + 3 + 7 (4 finite) + 1 + 2

Question 3: Ukrainian syntagmas – Russian syntagmas? ADJ +N: 6 = 4 + 2 mixed + 0 PHRAS: 3(ú osnoúnom. ú tom čislje, to jist')

The qualification of morphological elements as Ukrainian, Russian, common or hybrid is not based on judgements of appearances. The procedure for qualification is described in Menzel and Hentschel (2017, 156–163).

Literature:

Muysken 2000: MUYSKEN, P.: *Bilingual speech: A typology of code-mixing*. Cambridge: Cambridge University Press.

Menzel – Hentschel 2017: MENZEL, T. – HENTSCHEL, G.: *Flexionsmorphologische Irregularität im inner-slavischem Sprachkontakt: Sprachinhärente Präferenzen oder politisch-soziale Dominanz: Russisch vs. Weißrussisch / Ukrainisch – Polnisch vs. Kaschubisch / Lemkisch*. Frankfurt/M. et al.: Peter Lang.

Cause and purpose syncretism in the 19th-century Russian

Sergey Say

University of Postdam
serjzhka@yahoo.com

Cause and purpose syncretism is fairly common in the languages of the world. Moreover, it is commonly believed that the meaning of purpose is more complex than the meaning of cause and actually encompasses it (Kovačević 1988, 47; Boguslavskaja – Levontina 2004). In light of this view, it is not surprising to observe multiple developments from purpose to cause markers; in fact, this scenario is sometimes claimed to be irreversible (Heine – Kuteva 2002: 246–247).

In my talk, I am going to focus on two Russian subordinators that seem to not fully fit the typological expectations. In fact, modern Russian (almost) lacks subordinators displaying the purpose-cause syncretism (exceptions are marginal). However, in the early 19th-century Russian, complex subordinators *dlja togo, čto(by)* and *zatem, čto(by)* displayed exactly this type of syncretism. In the course of their further development, this syncretism was lost: while the purpose uses remained frequent, the causal uses largely decayed. Interestingly, for both subordinators the meaning of course is also historically the original meaning. Thus, both subordinators first developed a wider (and bleached) causal meaning and then gradually lost. I am going to explore the second part of this curve-like development based on quantitative corpus data. My ultimate goal is to unearth the mechanisms of the relevant change in 19th-century Russian.

I argue that the two interpretations were weakly differentiated at the beginning of the century, but eventually grew firmly associated with a mood distinction. That fact that the subjunctive purpose construction, which involves *čtoby*, remained robust, while its indicative causal counterpart, which involves *čto*, went out of use is arguably accounted for by the position of the relevant subordinators in their constructional networks. In particular, the semantic development of the preposition *dlja*, which lost its causal meaning, triggered the decay of the corresponding clausal construction, while the interrogative purpose adverbial *začem* contributed to the retention of the purpose subordinator based on *začem*. Finally, the default simplex purpose subordinator *čtoby* reinforced the use of complex purpose subordinators involving *čtoby* as its counterparts in focused environments.

Literature:

- Boguslavskaja – Levontina 2004: БОГУСЛАВСКАЯ, О. Ю. – ЛЕВОНТИНА, И. Б.: СМЫСЛЫ ‘причина’ и ‘цель’ в естественном языке. *Вопросы языкознания*, 2, 68–88.
- Heine – Kuteva 2002: HEINE, B. – KUTEVA, T.: *World lexicon of grammaticalization*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Kovačević 1988: KOVAČEVIĆ, M.: *Uzročno semantičko polje*. Sarajevo 1988.

Polské *powinien* a jeho české ekvivalenty

Karolína Skwarska
Slovanský ústav AV ČR
skwarska@slu.cas.cz

Lexikální jednotka *powinien* je v polštině doložena od 15. století – v té době coby součást paradigmatu adjektiva *powinny* s tímž významem, tj. ‘má povinnost’ (Bańkowski 2000, 734). Postupem doby získal tento výraz slovesné koncovky a stal se jedním z morfologicky nejzajímavějších lexémů polštiny (Topolińska 2021, 211). Na rozdíl od češtiny se v polštině zachoval pouze tento, původně jmenný tvar adjektiva. V současné polštině vyjadřuje voluntativní modalitu – očekávanost (srov. MČ 3, 278). V našem příspěvku se zaměříme na možnosti vzájemné významové ekvivalence této jednotky s češtinou a významové odstíny modalit v těchto dvou jazycích. Jelikož základním překladovým ekvivalentem je české *mít* (v našem vzorku téměř 75 % příkladů), ukážeme i roli polského *mieć* v příslušném modálním významu. Zvláštní otázku představuje i zápor u těchto výrazů. Příklady čerpáme z paralelních korpusů Intercorp Českého národního korpusu.

Literatura:

- Bańkowski 2000: BAŃKOWSKI, A.: *Etymologiczny słownik języka polskiego*. Tom 2. L–P. Warszawa: Wydawnictwo Naukowe PWN.
- Intercorp: *Český národní korpus. Intercorp v15* [on-line]. <korpus.cz> [cit. 02-08-2023].
- MČ 3: *Mluvnice češtiny 3*. Praha 1987
- Topolińska 2021: TOPOLIŃSKA, Z.: Semantyka i gramatyka leksemu *powinien*. *Linguistica Copernicana* 18, 211–212.

Деконструкция нарратива. Возможно ли лингвистическими критериями определить НПР?

Hannu Tammola

University of Tampere

hannu.tammola@tuni.fi

Несобственно-прямая речь (НПР) являлась предметом исследований русских литературоведов и лингвистов еще в первых десятилетиях прошлого века (Якубинский 1923; Волошинов 1930). Значительные замечания о нарративной технике, а также о многоголосии в нефиктивных текстах и речи сделаны Б. А. Успенским (1970). Е. В. Падучева (1996) ввела и кальку из английского языка: *свободный косвенный дискурс* (СКД), под которым она подразумевает структуру или стиль повествования — в отличие от НПР как лингвистического понятия. Последнее трудно показать, поскольку лингвистические показатели не определяют однозначно ни то, ни другое.

В польском, русском, словацком и чешском языках темпоральная структура в НПР оформляется иначе, чем в германских и романских (и в финском), в которых, как правило, в НПР имеет место транспозиция настоящего персонажа в прошедшее (*simple past, imparfait, Präteritum*) повествователя. Справедливо предполагать закономерность, что система грамматических времен имплицитно характеризует оформление НПР: «перфектные» языки ведут себя как английский, а «неперфектные» — как русский. Так, современный венгерский пользуется в принципе такой же структурой временной системы (но не видовой), как и севернославянские языки, и временные формы ведут себя в НПР так же, как в этих славянских языках.

Раз дело обстоит так, можно далее предполагать, что болгарский и македонский, которые причисляются к «перфектным» языкам, показывают в НПР картину, похожую на западноевропейские языки. К сожалению, у нас недостаточно данных о НПР в этих языках; предварительные наблюдения только частично поддерживают это.

Распознавание НПР осуществляется с опорой на содержательные критерии: текст должен быть таким, чтобы читатель мог представить себе его как передачу речи или эмоций протагониста. С лингвистической точки зрения НПР определяется двумя факторами. Во-первых, при референции к действующим лицам *дейктическим* центром является повествователь; если повествователь одновременно не является участником действий (*я-протагонистом*), то на всех протагонистов указывают в третьем лице. Во-вторых, в отличие от косвенной речи, НПР не подчинена вводному предложению. Кроме названного минимума, основных выделяющих признаков, интерпретация текстового фрагмента как НПР может поддерживаться обстоятельствами места и времени, ориентирующимися на дейктический центр протагониста, типическими, свойственными речи протагониста семантическими, синтаксическими и лексическими чертами, как например, восклицания, вопросы, элементы устной и диалектной речи, синтаксические анаколумы и пр. Иногда как признак НПР упоминается типичное для косвенной речи употребление грамматических форм времени, но здесь узус в разных языках отнюдь не совпадает.

Литература:

- Волошинов 1930: ВОЛОШИНОВ, В. Н.: Марксизм и философия языка: основные проблемы социологического метода в науке о языке. Издание 2-е. In: *Вопросы методологии и теории языка и литературы*. Ленинград: Прибой.
- Падучева 1996: ПАДУЧЕВА, Е. В.: *Семантические исследования. Семантика времени и вида в русском языке. Семантика нарратива*. Москва: Школа "Языки русской культуры": Язык. Семиотика. Культура. (Особенно с. 335–353: Несобственная прямая речь и свободный косвенный дискурс»).
- Успенский 1970: УСПЕНСКИЙ, Б. А.: *Поэтика композиции*. Москва: Искусство.
- Якубинский 1923: ЯКУБИНСКИЙ, Л.: *О диалогической речи*. Русская речь.

Сполучникова парадигмальність: структура та функції

Анатолій Загнітко

Донецький національний університет імені Василя Стуса, Вінниця
a.zagnitko@donnu.edu.ua

З'ясовано напрями переосмислення в сучасній граматиці традиційних підходів до тлумачення частиномовних класів слів через пошук відповідних когнітивних механізмів, функційних статусів, прагматичних орієнтувань та інше таких угруповань лексем. Кожний із таких підходів цілком заслуговує на увагу, оскільки розглядає той чи той категорійний клас у відповідному аспекті: когнітивний – через активне використання концептуально-репрезентативного аналізу й когнітивно-матричного методу для встановлення прототипних категорій, функційний – визначення й диференціювання первинних і вторинних виявів лексемних множин категорійних класів, прагматичний – вивчення інтенційних можливостей відповідних форм частиномовних класів, дескриптивний – інвентаризація позицій, ономасіологічний – простеження номінативних особливостей, пор. також сукупність морфологічного, синтаксичного, семантичного й інтуїтивного. Істотним є встановлення кваліфікаційних ознак частиномовного класу сполучників із виявом особливостей і закономірностей їх структурності, парадигмальності, позиційності та функційності, оскільки в загальній множині наукових студіювань найбільшою мірою зосереджувано увагу на співвідносності аналітичних і синтетичних тенденцій у сполучниковому класі, а також на з'ясуванні спеціалізованості й транспозиційності в його структурі (М. Вондрачек, К. Городенська, М. Мірченко та ін.), водночас актуальним постає з'ясування позиційного усталення і/чи неусталення сполучникових слів, встановлення ємності парадигмальності сполучників загалом та кожного зокрема. Важливим є розкриття функційної наповнюваності сполучникових слів, для чого необхідно простежити шлях від часткового до повного розмивання первинної семантики транспонем.

Дослідження сполучників у їхніх синтаксичному й семантичному усталеннях та закріпленнях і морфологічній ідентифікації вимагає розширення методологічних та алгоритмових процедур і використання методики функційної аналогійності. Підхід до сполучника з опертям на функційне усталення стає на заваді для кваліфікації прилеглих до нього елементів у сполучній функції. Застосування методики функційної аналогійності має підґрунтям тлумачення такого аналітичного утворення як реалізатора сполучниковості. Втягування повнозначного і/чи неповнозначного слова в релятивну підсистему має континуумний характер, де кваліфікаторами континуумної шкали є множина ознак, що відображають релятивізацію не як постання, а як процес. Діагностування сполучникових ознак передбачає створення та застосування відповідного алгоритму. Процес релятивізації найбільшою мірою має стосунок до синтаксису й семантики, оскільки закономірності реалізації синтаксичного зв'язку та вираження семантичних відношень актуалізують входження повнозначного слова в релятивну сферу та формування цілісної регулярно впізнаваної одиниці, що покроково набуває ознак відтворюваності, регулярності та ін. Функційна аналогійність постає одним із критеріїв синтаксичної класифікації лексики та надання кваліфікації морфологічного слова надійних теоретико-методологічних основ.

Besede oz. besedne oblike v členkovni vlogi: na primeru slovenščine

Andreja Žele
Univerza v Ljubljani
Andreja.Zele@ff.uni-lj.si

Členki v nasprotju s prislovi (objektivno izražanje okoliščin) vedno izražajo subjektivno vrednotenje govorca oz. tvorca konkretnega besedila. Za prehod od prislovov k členkom je torej nujna subjektivizacija ocene oz. vrednotenja; ta prehod je značilen za izpridevniške prislove, ki poimenujejo neko relativno lastnost oz. vrednotenje. Pri pravih, tj. prvotnih členkih se v besedilu pogosto menjujeta poudarjena naklonska vloga, ki izraža govorečev odnos do sporočanega, in pridružena povezovalna vloga.

Kot pomensko in tudi oblikovno nedoločeno besedno vrsto ga sproti določa (še) konkretna skladnja. Členke ravno zato lahko uvrščamo med prvotne nestavčnočlenske konektorje, npr. *Tudi to še pride*. Členek kot stavčni nečlen nima niti predmetnega niti slovnicega samostojnega pomena in zato je pogosto v konverznem razmerju z drugimi besednimi vrstami; pogostejša konverzna razmerja so medmet – členek, prislov – členek, veznik – členek, samostalnik – členek, glagol – členek. Glede pragmatičnega pomena sta si najbližje členek in medmet, npr. *No, boš kaj izbral?* (medmet) → *Bodi no malo bolj moder* (členek), *Hej, počakaj malo.* (medmet) → *Vse je v redu, hej.* (členek). V vlogi členka so kar pogosto izpridevniški prislovi, npr. *Danes so težko prišli – Težko so danes prišli – Danes so prišli težko* → *Težko mi je zanj, ker je dober človek* v pomenu ‘Žal mi ga je’ (subjektivno vrednotenje govorca). Veznik v členkovni vlogi poudarja, npr. *In vse to je res* v pomenu ‘Naj poudarim, da je vse to res’, in obratno: členek *naj* v vezniški vlogi vezniškemu razmerju dodaja specifično naklonsko razmerje, npr. *Prosil ga je, (da) naj ga pospremi*. Funkcijskoskladenjsko podrejanje členka vsakemu konkretnemu sporočilu pa tudi z izbiro le določenih besednih oblik lahko sledimo pri samostalniku in glagolu v členkovni vlogi. Vlogo členkov lahko kažejo samo določene oblike samostalnika ali glagola, npr. *figico, figole, hudiča, mačko* (*Figico/Figole te bom te ubogal, Kaj hudiča se greste?!, Mačko veš!*), npr. *recimo, se razume* (*Recimo da imaš prav, To se razume samo po sebi*).

Words or form classes in the particle role: the case of Slovene

Particles, unlike adverbs (objective expression of circumstances), always express the subjective evaluation of the speaker or the creator of the concrete text. The transition from adverbs to particles therefore requires the subjectivisation of the assessment or evaluation; this transition is characteristic of deadjectival adverbs, which name a relative property or evaluation. In the case of genuine, i.e. original, particles, the text often alternates between an emphatic modal role, which expresses the speaker’s attitude towards what is being conveyed, and an associated linking role.

As a semantically and formally indeterminate part of speech, it is determined by the concrete syntax only. This is why particles can be classified as original non-sentence elements or connectors, e.g. *Tudi to še pride* ‘That too is still to come’. The particle, as a non-sentence element, has neither subject nor grammatical independent meaning and is therefore often in a conversion relationship with other parts of speech; the more common conversions are interjection – particle, adverb – particle, conjunction – particle, noun – particle, verb – particle. Regarding to the pragmatic meaning, the nearest particle and

interjection are, e.g. *No, boš kaj izbral?* (interjection) ‘Well, will you choose something?’ → *Bodi no malo bolj moder* (particle), ‘Be a little wiser’, *Hej, počakaj malo.* (interjection) ‘Hey, wait a minute.’ → *Vse je v redu, hej.* (particle) ‘Everything is fine, hey’. The deadjectival adverbs are often used as particles, e.g. *Danes so težko prišli – Težko so danes prišli – Danes so prišli težko* ‘They came hard today’. → *Težko mi je zanj, ker je dober človek* ‘It’s hard for me because he’s a good man’ in the sense of ‘I feel sorry for him’ (subjective evaluation of the speaker). A conjunction in a particle role emphasizes, e.g. *In vse to je res* ‘And all of this is true’ in the sense of ‘Let me emphasize that all of this is true’, and vice versa: the particle *naj* ‘should’ in its conjunctive role, add a specific modal relationship in the conjunctive relationship, e.g. *Prosil ga je, (da) naj ga pospremi* ‘He asked him (to) accompany him’. The functional-contextual subordination of the particle to each specific message, even by choosing only certain form classes, can be traced in the case of nouns and verbs in the particle role. Only certain forms of a noun or verb can show the role of particles, e.g. *figico, figole, hudiča, mačko* (*Figico/Figole te bom te ubogal* ‘Whatever you think, I will not obey you’, *Kaj hudiča se greste?!* ‘What the hell are you up to?!’, *Mačko veš!* ‘You don’t know anything at all!’), e.g. *recimo* ‘let’s say’, *se razume* ‘is understood’ (*Recimo da imaš prav*, ‘Let’s say you’re right’, *To se razume samo po sebi* ‘This goes without saying’).